

УДК 930.1

**«КРЕЩЕНИЕ РУСИ»:
ИСТОРИЯ ЮБИЛЕЕВ И МЕМОРИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**

© 2012 г.

Н.И. Солнцев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sochin3@yandex.ru

Поступила в редакцию 5.11.2012

Дается историографический и культурно-исторический анализ проблем, связанных с проведением 900-летнего и 1000-летнего юбилеев «Крещения Руси». Рассматривается связь государственных инициатив по мемориализации памятных дат и культурно-исторической памяти общества.

Ключевые слова: историография, культурно-историческая память, мемориальная политика, общественное сознание.

В мае 2010 г. президент РФ Д.А. Медведев подписал изменение в закон «О днях воинской славы и памятных датах России». Среди них появилась еще одна – 28 июля – День Крещения Руси. Так завершилась более чем вековая полемика о спорности исторических основ этого праздника и целесообразности мемориализации этой даты.

Необходимость в национальных праздниках, не связанных с церковной обрядностью и тезоименитствами царской фамилии, появилась в 1860-е гг. Изменения, произошедшие в России после отмены крепостного права, требовали создания общенациональных ценностей, одинаково значимых для всех слоев «нового» русского социума. Александром II эти задачи не были решены. Причин этому было множество. Сыграло свою роль, в частности, и личное отношение императора к проведенным реформам. П.А. Зайончковский убедительно доказывал, что царь не был способен творчески продолжить начатые им преобразования [1, с. 182, 190; 2, с. 301]. Такое положение дел вызвало общественный диссонанс. «Первое проявление деятельности интеллигенции должно было состоять в ругательстве, отрицании, обличении, и все, что говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать...» – зафиксировал С.М. Соловьев [3, с. 185].

С приходом к власти Александра III началась «эпоха контрреформ». Царь обладал программой, определявшей немедленную консолидацию общества на основе незыблемости принципов самодержавия, православия и русской народности [2, с. 300]. Для ее исполнения стали реализовываться первые общенациональные

мероприятия, возведенные в ранг государственных торжеств. С размахом начали отмечать в качестве национальных праздников даты, связанные с церковной историей и историей православия [4, с. 233].

Идейным вдохновителем этих мероприятий был К.П. Победоносцев, видевший в православии единственное спасение от тлетворного влияния идейного обновленчества. Обер-прокурор Синода Победоносцев развил кипучую деятельность. Ее целью была «помощь» церкви через общественную актуализацию ее миссии. Победоносцев видел в священнике не только служителя культа, но – пропагандиста охранения государственных устоев. Сама церковь была далека от этих идеалов. Даже столичный клир воспринял инициативы обер-прокурора прохладно. «Что же сказать о множестве затерянных в глубине лесов и в широте полей наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, ничего не понимая, под козлогласованием дьячка или бормотанием клирика? Увы! Не Церковь повинна в этой тупости и не бедный народ повинен, повинен ленивый и несмыслящий служитель церкви...» [5, с. 490], – отмечал Победоносцев. Лишь соединение общих усилий государства и церкви по духовному окормлению широких слоев населения давало положительные результаты. Так как церковь, по его мнению, не могла эффективно решить эту задачу, руководство процессом должно было перейти к государству. Победоносцев считал, что укоренить идеалы православия в народе можно только путем превращения церковных памятных дат в светские праздники. Эта установка и определила направления коммеморации в эпоху Алек-

сандра III через общероссийские мероприятия по празднованию церковных дат и юбилеев. Центральной датой среди них выступало 900-летие крещения Руси в 1888 г. Оно воспринималось православной общественностью неоднозначно.

Нельзя сказать, что русское богословие игнорировало принятие христианства киевским князем Владимиром в 988–989 гг., но в месяцеслове русской церкви не было и нет праздника в честь этих событий. Сам акт крещения Руси всегда был на втором плане и дополнял смысл празднования «Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня» (1-е августа) [6, с. 291]. Подобное положение дел вытекало из концепции зарождения христианства и возникновения церкви, принятых богословием.

«Церковь есть от Бога учрежденное общество, обнимающее христиан всех времен и народов, состоящее во всякое данное время из лиц, соединенных между собою законом Божиим, священноначалием и таинствами» [7, с. 218]. Исходя из этого определения, даже говорить о конкретной дате учреждения церкви или принятия христианства на Руси не приходилось. И церковь, и христианство как средство спасения всего человечества верой в сына божия были учреждены самим Христом [Мф. 16 : 16–19, 18 : 17], поэтому не имели национальных признаков [Мф. 18 : 20]. Кроме того, «Церковь Христова, в ее сущности, как Божественное учреждение, не принадлежит к области изменяемых предметов, – неизменна непреодолима временем как вечный Бог, ее основатель...» [8, с. 3]. В этой ситуации говорить о конкретной дате основания русской церкви нельзя, «ибо церковь вечна, как вечен сам бог».

Нельзя говорить и о появлении в 988 г. христианства на Руси. Дело в том, что церковно-историческая литература, выводя историю русской церкви как части церкви вселенской, настаивала на принятии христианства славянами задолго до 988 г. [8, с. 13–17]. Подобный взгляд был закреплен в «Истории русской церкви» митрополита Московского Макария (Булгакова), образчике богословского понимания русской церковной истории [9, с. 127–155]. Макарий отвел истории христианства на Руси до событий 988 г. отдельный том, невольно свидетельствуя, что крещение князя Владимира было не началом христианства и церковного строительства на Руси, а его завершающим актом [10]. Итак, соотнесение принятия христианства с конкретной датой вносило беспорядок в богословскую традицию, а также низводило церковь на уровень государственной институ-

ции, возникшей лишь по соизволению правителя. Эти аргументы заставляли задуматься о целесообразности мемориализации указанного события. Но государство не вникало в тонкости богословия. «Победоносцеву удалось внушить русскому духовенству, что «богословие» не принадлежит к существу православия» [11, с. 422]. Характеризуя Победоносцева, Флоровский подчеркнет, что «в православной традиции он дорожил не тем, чем она действительно жива и сильна, не дерзновением подвига, но только ее привычными, обычными формами. Он был уверен, что вера крепка и крепится не рассуждением, а искусства мысли и рефлексии выдержать не сможет» [11, с. 411]. Так «церковная политика, ориентированная на государство, по сути дела, не имела сторонников ни в иерархии, ни среди приходского духовенства, ни среди мирян», – заключил И.К. Смолич [4, с. 230]. Но подобное положение дел мало волновало Синод.

Труднее было актуализировать торжественность события 1888 г. для широких кругов публики. 1860-е гг. сильно изменили умонастроения русской интеллигенции, увлекшейся философией дарвинизма, позитивизма и материализма [11, с. 285–289, 4, с. 471]. Концепция «завоевания веры христовой рукою победителя», сформулированная Н.М. Карамзиным [12, с. 126], описавшим Корсунский поход 988 г. и последовавшее за ним крещение Владимира, повторенная другими историками [13, с. 48–49; 14, с. 160–161; 15, с. 72], уже не устраивала общество. Она источниками не подтверждалась. Летописи молчали о причине и поводе похода киевского князя на Херсонес. Даже Макарий (Булгаков) констатировал: «Непонятно, с чего вздумалось великому князю, занятому делами религии, вдруг поднять оружие и начать брань» [10, с. 237]. Летописи оставляли открытым вопрос, в каком же храме Херсонеса крестился Владимир. Например, Лаврентьевская летопись говорит о крещении Владимира в церкви св. Василия [16, стб. 79], Ипатьевская – в церкви св. Софии [17, стб. 97], Софийская первая – в церкви св. Якова [18, стб. 96], Львовская летопись – в церкви Богородицы [19, с. 78, л. 105].

Подлила масла в огонь критики Корсунской легенды и «История русской церкви» Е.Е. Голубинского [20]. Он развенчал все устоявшиеся к тому времени представления о принятии Русью христианства: летописная легенда – «выдумка, с одной стороны, пожалуй, затейливая, а с другой стороны, вовсе несостоятельная, чтобы не сказать более, с которой серьезной науке по-

ра... расстаться» [21, с. 113]. Сомнения Голубинского имели научные основания. В.Г. Васильевский, анализируя известия византийского историка конца X в. Льва Диакона и арабского историка второй половины XIII в. ал-Макина, заключил, что Корсунь был взят русскими в начале 989 г. [22, с. 100–101]. В.Р. Розен, привлеченный для решения этой проблемы сведения сирийского историка, пришел к такому же мнению [23, с. 214–215]. Вследствие подобных публикаций в 1880-е гг. развернулась научная дискуссия. П.Г. Лебединцев [24, с. 178–179] и А.И. Соболевский [25, с. 399–401, 26, с. 1–6] доказывали правильность даты «Повести временных лет». Однако все больше историков XIX – начала XX в. склонялись к версии Васильевского – Розена (989 г.) [27, с. 600, 28, с. 165, 29, с. 294–295, 30, с. 500–501], а некоторые более удрежняли событие (990 г.) [31, с. 131, 32, с. 398–404]. В итоге в научных кругах сложилось скептическое отношение к летописной легенде о крещении Руси [21, с. 110–112]. Все вышеизложенное не вышло за пределы богословских и исторических сообществ и мало повлияло на помпезность празднования.

Торжественные мероприятия, назначенные на лето 1888 г., проводились повсеместно. Различные церемонии, посвященные юбилейной дате, начались до официальных торжеств. Активные приготовления к празднику развернулись еще в мае, а 20 июня вышел императорский указ о порядке проведения основных торжеств. Центральным действием праздника должен был стать крестный ход, дополняемый военным парадом. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил: к празднованию события девятистолетия крещения Русского народа привлечь все воинские части, освободить их в сей день от занятий. Участие войск в торжестве будет заключаться в расположении их в местах квартирования шпалерами по одну сторону пути следования крестного хода местного кафедрального причта, а в лагерях – военного для освящения. При прохождении крестного хода войскам будет отдана установленная честь, музыка исполнит гимн «Коль славен», и при погружении креста в воду – последует салют в 101 выстрел» [33, с. 1]. «Если не молились Богу за сто лет после Крещения, то отчего не поблагодарить Бога 900 лет после. Пусть это будет приготовлением к тысячелетию, как повечерие перед литургией», – так митрополит киевский Платон охарактеризовал значение праздничных мероприятий [34, с. 4].

Обывателя же торжества застали врасплох. До 15 июля в обществе царило недоумение, как

по поводу проведения самих торжеств, так и по поводу характера самого празднования. Связано это было с тем, что до последнего момента почти в каждом городе вопрос о статусе отмечаемого события оставался открытым [35, с. 70]. Таким образом, на уровне общественного сознания сама идея праздника была просто не актуальна. Помпезность государственных торжеств скрывала общественное непонимание их смысла. События 900-летней давности не заставляли общество сопереживать, осмысливать отмечаемое событие вновь, связать его с жизненными проблемами, неразрешенными в современности. Возможно, поэтому юбилей как бы подтвердил слова киевского митрополита Платона о возможной актуализации этого торжественного мероприятия лишь через сто лет.

XX век сильно изменил облик страны и облик церкви. Находясь под прессом антирелигиозной пропаганды, церковь подумать не могла о широкомасштабном праздновании 1000-летнего юбилея. Однако круглая историческая дата давала возможность актуализировать сам факт церковной жизни в СССР, обратить внимание на вклад православной церкви в историю и культуру страны. «В год, когда мы намереваемся молитвенно отметить тысячелетие крещения Руси, вместе со всем народом мы сможем праздновать тысячелетие нашей отечественной культуры и литературы» [36, с. 6], – говорилось на первом заседании синодальной юбилейной комиссии, образованной 23 декабря 1980 г. постановлением Священного Синода русской православной церкви [37, с. 4–5].

Первоначально предполагалось, что само празднование будет внутренним церковным торжеством. Но «перестройка» придала начинанию иной оттенок. 29 апреля 1988 г. в Екатерининском зале Кремля произошла встреча патриарха Московского и всея Руси Пимена с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. «Наша встреча происходит в преддверии 1000-летия введения христианства на Руси, которое получило не только религиозное, но и общественно-политическое звучание, ибо это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности» [38, с. 2], – заявил М.С. Горбачев. Эти слова придали празднованию государственный и общенациональный статус. Последнее оживило дискуссию, посвященную общественно-политическому значению Крещения в русской истории.

В тогдашней богословской и научно-атеистической литературе, касавшейся обращения жителей Руси в христианство, просматриваются

две противоположные тенденции. С одной стороны, богословская литература удревняла факт обращения славян к христианству, с другой стороны, старалась доказать, что до 988 г. Русь, погрязшая в «языческой прелести», была глуха к христианской культуре [39, с. 62–67; 40, с. 70–77; 41]. На передний план снова были выдвинуты тезисы о предвосхищении крещения апостолом Андреем Первозванным и об эпохальности решения, принятого князем Владимиром. Научно-атеистическая литература подчеркивала вымышленность летописных свидетельств, тенденциозность подачи историко-богословских выкладок [42; 43; 44; 45; 46, 47].

Анализируя причины и содержание научных споров конца 1980-х гг., приходишь к мысли, что их тематика практически аналогична представленным выше дискуссиям конца XIX в. Остается отметить, что если советская историческая школа и выработала новые «классовые» подходы в освещении данной исторической темы, то богословы почти дословно повторяли тезисы, сформулированные более века назад. Сама тема «крещения» была исчерпана, и ее ренессанс был вновь определен «юбилейным» фактором. Плодотворной дискуссии сторон, направленной на создание новых подходов к решению проблемы, не могло состояться, так как оппоненты в этом не нуждались.

Весьма глухим был отзыв на юбилейные торжества и в обществе. Перестройка кардинально меняла идеологические основы советского бытия, разрушала десятилетиями складывающиеся обычаи и нормы. Современность в ее постоянных спорах была более востребована, чем события тысячелетней давности. А праздничный концерт в Большом театре Союза ССР и награждение советских церковных иерархов во главе с патриархом орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов 10 июня 1988 г. [48, с. 26–28] были расценены скорее как часть советского официоза эпохи «чудес перестройки».

Как и в XIX в., потребности в повторении празднования ни через 10, ни через 20 лет не возникло. На причинах этого надо остановиться. Сами по себе образы человеческой памяти всегда фрагментарны и условны. Для человека они не будут обладать конкретным значением до тех пор, пока не будут спроецированы на конкретные обстоятельства [49, с. 203–204]. Данные обстоятельства должны обладать для человека непреложной исторической значимостью, которая должна сознаться и постоянно поддерживаться связью истории с современностью. Означенной связи в основе названного

юбилея никогда не было. И в XIX, и в XX вв. эта связь нарушалась разными по содержанию, но аналогичными по сути факторами. Российскому обывателю XIX в. напоминать о том, что он христианин, было не нужно, в мнемонических техниках это утверждение не нуждалось. Не было смысла актуализировать и значение христианства для современной ему бытовой культуры. За 900 лет истории русской цивилизации христианство было настолько глубоко вплетено в ее ткань, что на уровне бытового сознания существовало вечно. Русское христианство было так плотно вписано в историческую и социальную память, что было вполне способно функционировать под влиянием внутренних общественных побуждений. Эта форма «спонтанной», по выражению Л.П. Репиной [50, с. 42], исторической памяти, не требовала дополнительной актуализации.

Для советского человека последней трети XX в. 988 год был просто датой из учебника истории. Общественное сознание, в массе своей, отдавая должное христианству и православной церкви, давно уже не идентифицировало себя с ними. Что говорить, если даже святейший патриарх Пимен на юбилейных торжествах в Кремле именовал и клир, и прихожан советскими людьми [48, с. 27]. Подобное внутреннее осознание себя как части иной – советской культуры переводило сам факт крещения в важное, но совершенно отдаленное историческое событие, связанное скорее с историографической, чем общественной памятью. События тысячелетней давности меркли на фоне значимых как для общественного сознания, так и для конкретных его носителей споров о недавней, советской истории.

В XIX и в XX в. крещение Руси как памятная дата давно не имела тех групп населения, для которых значимость этого события бесспорна. Исторические реалии уже перевели события 988 г. в свершившийся факт, не нуждающийся в подтверждении или в опровержении. Целесообразность любых мнемонических практик, направленных на актуализацию этого события в современности, обречена на неудачу. В силу этих обстоятельств надо прогнозировать, что придать новой памятной дате – 28 июля статус национального торжества вряд ли возможно.

Список литературы

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 126 с.

2. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Просвещение, 1964. 375 с.
3. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других / Соловьев С.М. Избранные сочинения. Т. I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 544 с.
4. Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917 гг. Т. I. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 457 с.
5. Победоносцев К.П. Государство и Церковь. Т. II. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 704 с.
6. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Киев: Издательство Киевской духовной академии, 1913. 1485 с.
7. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. III. М., 1995. 592 с.
8. Филарет (Гумилевский) архиепископ Черниговский. История русской церкви. М.: Пашков дом, 2001. 565 с.
9. Солнцев Н.И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков. Н. Новгород: ННГУ, 2005. 197 с.
10. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. Т. I. Кн. I. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 408 с.
11. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев: Путь истины, 1991. 574 с.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. I. СПб.: Мир книг, 2003. 653 с.
13. Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М.: Синодальная типография, 1871. 400 с.
14. Полевой Н. История русского народа. Т. I. М.: Русская книга, 1997. 752 с.
15. Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года. Петрозаводск: Фолиум, 1997. 957 с.
16. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
17. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
18. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
19. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
20. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М.: Тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1880. 793 с., Вторая половина тома. М.: Тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1881. 792 с.
21. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Период первый Киевский или домонгольский. Первая половина тома. М. Крутицкое патриаршее подворье, 2002. 786 с.
22. Васильевский В.Г. Труды. Т. II. Ч. I. СПб., 1909. 492 с.
23. Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. 447 с.
24. Лебединцев П. Когда и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире? // Киевская старина. 1887. Т. XIX. № 9. С. 178–179.
25. Соболевский А.И. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 399–401.
26. Соболевский А.И. Год крещения Руси // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1889. Кн. 2. Отд. II. С. 1–6.
27. Линиченко И. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1886. № 12. С. 600.
28. Левитский Н. Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. (По поводу мнения проф. Соболевского) // Христианское чтение. 1890. № 7–8. С. 147–174.
29. Бертъе-Делагард А. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1909. Т. XIV. Кн. 1. С. 294–295.
30. Грушевський М.С. Історія України – Руси. Т. I. Київ: Научне товариство ім. Т.Г. Шевченко, 1913. 648 с.
31. Завитневич В.О. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян // Труды Киевской духовной академии. Киев. 1888. № 1. С. 131.
32. Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). Т. I. СПб.: Алетейя, 2000. 567 с.
33. Русские ведомости. 1888. № 169. С. 1.
34. Гражданин. 1888. № 196. С. 4.
35. Буслаев А.И. «Небывалый нигде в мире юбилей» // Родина. 2008. № 8. С. 70.
36. Журнал московской патриархии. 1982. № 1. С. 6.
37. Журнал московской патриархии. 1981. № 2. С. 4–5.
38. Журнал московской патриархии. 1988. № 7. С. 2.
39. Филарет, митрополит Минский и Белорусский. Установление христианства на Руси // Журнал московской патриархии. 1986. № 5. С. 62–67.
40. Сергей, митрополит Одесский и Херсонский. Благовестническое путешествие святого апостола Андрея Первозванного по Скифии // Журнал московской патриархии. 1988. № 7. С. 70–77.
41. Лебедев Л., протоиерей. Крещение Руси. М. Изд. Московской Патриархии, 1988. 170 с.
42. Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов (IX век – 1917 год). Минск, 1984. 322 с.
43. Гордиенко И.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л.: Лениздат, 1986. 287 с.
44. Емелях Л.И., Кожурин Я.Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: Знание, 1986. 31 с.

45. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Изд-во МГУ, 1988. 395 с.
46. «Крещение Руси» в трудах советских историков. М.: Мысль, 1988. 296 с.
47. Как была крещена Русь. М.: Политиздат, 1989. 318 с.
48. Журнал московской патриархии. 1988. № 9. С. 26–28.
49. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. 423 с.
50. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

**"THE CHRISTIANIZATION OF RUS":
THE HISTORY OF JUBILEES AND COMMEMORATIVE POLICY**

N.I. Solntsev

The article deals with the historiographical and cultural-historical analysis of public celebrations of the 900th and the 1000th anniversaries of the Christianization of Rus'. We consider the relation between the state initiatives in memorialization of commemorative dates and cultural-historical memory of society.

Keywords: historiography, cultural-historical memory, commemorative policy, social consciousness.